

РРСР

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

А. Тладкий  
ПРИКЛИСКИ  
СТОЛК



ПСКОВ

1922

ИЗДАТЕЛЬСТВО  
"ГОРНАЯ МЛЗНЬ"

Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика

*Пролетарии всех стран, соединяйтесь!*

---

А. Гладкий

Пушкинский уголок  
в Псковской губернии



Книгоиздательство  
„НОВАЯ ЖИЗНЬ“  
Псков, 1922 г.

## Предисловие.

Конференцией литературно-научных обществ, под председательством проф. П. Н. Сакулина, вынесено постановление о ежегодном Всероссийском чествовании памяти величайшего поэта земли русской А. С. Пушкина, причем днем чествования принято считать день смерти поэта, 11 февраля.

Такое постановление нельзя не приветствовать, так как смело и с гордостью можно сказать, что ни один поэт не дал своей стране столько, сколько дала русскому народу муза Пушкина, „щедрая,—по меткому и высокопоэтическому выражению Гейне,—как солнце“. Справедливо поэтому говорит критик Ю. Айхенвальд: „Пушкин—самое драгоценное, что есть у России, самое родное и близкое для каждого из нас.“

Движимый этим мотивом, а также и тем, что в настоящем году исполняется 85-летняя годовщина со дня смерти поэта, автор хотел бы настоящим историко-литературным очерком „Пушкинский уголок“ хотя бы отчасти и поспешно восполнить тот пробел, который ощущается в местной литературе о Пушкине и Пушкинских местах, а, с другой стороны, издать путеводитель, чтобы интересующиеся и отправляющиеся в Пушкинские места смогли ориентироваться и ознакомиться на месте со всем, что связано с именем поэта.

Настоящий очерк в сокращении, в виде отрывочных, субъективных впечатлений и воспоминаний, был напечатан в журнале „Историч. Вестник“, 1917, кн. VIII, но теперь печатается в совершенно переработанном виде, соответственно имевшихся в распоряжении автора новых данных и фактического материала.

Как автор выполнил свою задачу, судить, конечно, не ему, но он надеется, что любезным читателем не будет отказано в признании за автором хотя бы малой заслуги: впрочем, выражаясь словами римского мудреца Сенеки, автор желает только: „hoc unum plane tibi approbare, vellem, me illa sentire, quae dicerem, nec tantum sentire, sed amare“, т. е. в русском переводе: „пусть тебе, (читатель), понравится хотя одно: что то, что я высказал, я чувствовал и не только чувствовал, но и любил“.

Автор.

Один очень серьезный исследователь творений Пушкина и Пушкинской эпохи в таких словах определяет значение Пушкина для русской литературы: „Солнце русской поэзии—Пушкин, крупнейший выразитель русского народного духа, именем своим отметивший целую эпоху родной литературы, никогда не перестанет занимать умы. Вспомним, что именем Пушкина отмечена великая эпоха русской литературы, и в этой эпохе центральной фигурой является великий поэт, отразивший в своих творениях русскую жизнь, ответивший на бесчисленные вопросы современности и указавший широкие задачи будущности“<sup>1)</sup>.

Пушкин—наш первый народный поэт, выразитель в литературе русского национального духовного склада, типичный представитель русского народного характера, с его наиболее яркими особенностями.

„При имени Пушкина, — говорит Н. В. Гоголь, — тотчас осеняет мысль о русском национальном поэте. В нем, как будто в лексикопе, заключилось все богатство, сила и гибкость нашего языка. Пушкин—явление чрезвычайное и, может быть, единственное явление русского духа: это русский человек в конечном его развитии, в каком он явится чрез двести лет. В нем русская природа, русский язык, русский характер отразились в такой же чистоте, в такой очищенной красоте, в какой отражается ландшафт на выпуклой поверхности оптического стекла“<sup>2)</sup>.

Если так велик и дорог поэт Пушкин с его удивительным гением, на все отозвавшимся сердцем своим, так что „ничего не оставлено им под солнцем живых без привета“, — для всей России, для каждого русского человека, то особенно он дорог, близок и должен почитаться родным для псковичей, так как имя Пушкина тесно связано со Псковом и пределами Псковской губернии: Пушкин много раз посещал город, где до сих пор на Сергиевской улице сохранился дом, в котором останавливался и временно проживал Пушкин<sup>3)</sup>.

Сохранилась в полуразрушенном виде в бывшем кремле беседка, называемая Пушкинской, находящаяся на возвышении, при слиянии рек Вединой и Псковы, откуда поэт добовался рекой и чудными

<sup>1)</sup> Н. Лернер. Труды и дни Пушкина. 1903 г.

<sup>2)</sup> Н. В. Гоголь. Несколько слов о Пушкине. Соч. т. IX, стр. 227.

<sup>3)</sup> Известный местный, теперь уже покойный, археолог И. И. Василев оспаривал предание, будто бы Пушкин останавливался в Пскове в доме Литвинова, на Сергиевской улице, во втором доме слева от стены, где, между прочим, прибита и доска с указанием, что в этом доме останавливался поэт. Сергиевская улица, по мнению этого археолога, в то время не имела настоящего вида. В начале ее, от Сергиевских ворот, тогда были расположены дома по левой стороне, если смотреть за город; так против стены, составлявшей улицу, был Сергиевский переулок, названный так от церкви Сергия, а за нею был дом, принадлежавший в 50 годах XIX веку Гихомирову. Для дома Литвинова тогда и места не было. (См. И. И. Василев. „Следы пребывания А. С. Пушкина в Псковской губернии“. 1899 г., стр. 6—7).

перспективами, открывавшимися перед его взором. В археологическом музее хранятся некоторые реликвии Пушкина; в честь поэта названа одна из главных улиц Пскова, а также в память 100-летнего юбилея со дня рождения поэта воздвигнут в городе памятник поэту— Пушкинский народный дом (нынешний Государственный театр). Наконец, и что важнее всего, в пределах Псковской губернии, в Опочечком уезде, находится драгоценный „Пушкинский уголок“, где на кладбище Святогорского монастыря покоится прах поэта, его родственников и близких друзей, куда стекаются тысячи русских и иностранных туристов, чтобы почтить память писателя и ознакомиться со всем, что связано с именем Пушкина. В 2—3 верстах от Святогорского монастыря находится село Михайловское, принадлежавшее родителям поэта, в котором временно проживал, а затем был сослан, а после ссылки часто посещал поэт, и, наконец, в 2-х верстах от Михайловского с. Тригорское, где поэт провел „дни лучшие младости своей“. По пути в Тригорское лежит пог. Воронич, где на кладбище поэт писал своего „Бориса Годунова“, и там похоронены знакомые и приятели поэта <sup>1)</sup>.

Умер великий русский гений, оставив нам, таким образом, кроме своего богатства—великих творений, еще, как драгоценный амулет, свой „уголок“, в котором жил и умер поэт, и этот „уголок“, к нашему счастью, находится в Псковской губернии <sup>2)</sup>.

<sup>1)</sup> Педагог-писатель В. Острогорский значительно расширяет границы „Пушкинского уголка“. По нему, „это—небольшая часть Опочечного уезда, Псковской губернии, где на незначительных расстояниях друг от друга, в гористой, красивой местности, омываемой живописными реками Велькой и Соротью и многими озерами, сгруппировалось несколько селений, тесно связанных с именем Пушкина: Святогорский монастырь в 55 верстах от г. Острова с с. Михайловским или Зуевым, отстоящим от него версты на три дале, красивейшее местечко Тригорское и рядом с ним, на Лысой горе, имение Батого, всего в 3 верстах от Михайловского,—вот, так сказать, собственно Пушкинский центр, уголок, связанный с именем поэта наиболее. Но к „уголку“ причислили бы мы еще и с. Голубово. Вот и весь уголок, если не считать гор.: Опочку, Острова, наконец, Пскова, где Пушкин бывал по делам“. См. Мир Восток. 1899, IX кн.

<sup>2)</sup> С проведением железной дороги до Опочки посещение „Пушкинского уголка“ является очень легким делом, так как достаточно доехать по Полоцкой ветви до ст. „Тригорская“ (всего 4 станции от Пскова), и в 1 1/2 верстах от станции вправо будет Святогорский монастырь; отсюда, опять направо от монастыря—в 3 верстах с. Михайловское, и, наконец, мимо „Михайловские рощи“, направо влет дорога в пог. Воронич и Тригорское, пересекая полотно железной дороги. Из Тригорского обратно на станцию „Тригорская“ (верст 5) дорога лежит почти параллельно полотну железной дороги. До проведения Опочечного железнодорожного пути, попасть в Пушкинские места было затруднительно, так как возможно было проехать по железной дороге только до станц. „Остров“, а с вокзала до г. Острова и затем по Опочечному шоссе до ст. Новгородка 38 версты нужно было ехать на лошадах; своротив, затем, влево, по Новоржевскому тракту 22 версты до „Святых гор“.

Любопытно, между прочим, отметить, что Пушкин ни одним словом не обмолвился о г. Острове ни в своих творениях, ни в письмах, хотя часто проезжал здесь и бывал в этом городе, между тем об Опочке и Новоржеве сохранились краткие строчки. В своем стих. „Призвание“ Пушкин упоминает о своем путешествии в Опочку:

„И ваши слезы, в одиночку,  
„И речи в уголку вдвоем,  
„И путешествие в Опочку,  
„И фортепьяно вечерком“.

Относительно Новоржева у Пушкина встречается такое замечание:

„Есть на свете город Луфа,  
„Петербургского округа,  
„Хужеб по было сего  
„Городишна на яримете,  
„Еслиб не было на свете  
„Новоржева моего“.

Селение Тобалинец и Святогорский монастырь, приютивший прах поэта,—это островок песчаных холмов, покрытых сосновым лесом среди бесконечной, слегка волнующейся равнины полей и лугов. Здесь же находится и озеро, посвящее название „Тобалинец“. Основан монастырь в XVI веке, по повелению Ивана Грозного. Существует предание, что Стефан Баторий, идя на Псков по этим местам, не заметил тогда еще совсем молодого монастыря, хорошо укрытого своими горками, и последний, таким образом, спасся от серьезных неприятностей.

Путь к могиле поэта лежит чрез довольно высокую лестницу, составленную примитивным почти образом из крупных камней-плит, так как главный храм обители, самый памятник поэту, а также небольшое кладбище находится на сравнительно высокой горе, отчего и самая обитель получила название Святогорской. Направо от лестницы, прямо против алтаря церкви, над самым обрывом укрепленной камнем горы—могила Пушкина. Памятник над могилой—небольшой белый обелиск с кирпичным, поросшим травой и цветами пьедесталом, окружен железной решеткой. Надпись на памятнике самая скромная и простая: „Александр Сергеевич Пушкин, родился 26 мая 1799 года, скончался 9 января 1837 года“ <sup>1)</sup>.

Из-за ограды со всех сторон тянутся в вышине над белой пирамидой Пушкинского памятника огромные ветви деревьев, растущих по скату горы.

Рядом с могилой поэта, слева—ветхая плита с почти стертой надписью над могилами деда и бабушки Пушкина—Иосифа Абрамовича и Марии Алексеевны Ганибалл. Ни матери, ни отца Пушкина могил не сохранилось. Здесь похоронена и няня поэта. Арина Родионовна, но могилы ее тоже найти нельзя. Направо от могилы поэта покоится прах игумена Геннадия, современника Пушкина; он похоронил тело поэта.

Рядом почти с монастырем находится в с. Тобалинце богадельня, а также библиотека-читальня, устроенные в 1895 году на средства крестьян Воронежской волости (частью бывших крепостных Пушкина). Кроме того, имеется здесь Пушкинский народный театр. Других, достопримечательностей, связанных с именем Пушкина, здесь не имеется.

До сих пор в Святогорской обители свежо предание о Пушкине, как о добром и доступном человеке, и о том, что простой народ любил Пушкина, а поэт пользовался в Святых Горах большой популярностью. Поэт старался сблизиться с народом, вмешивался постоянно в крестьянскую толпу. Одетый в армяк и косоворотку, он являлся часто на ярмарочную и по настоящее время в девятую пятницу по Пасхе ярмарку <sup>2)</sup> и особенно любил ходить по колесному

<sup>1)</sup> В верхней части памятника выдвинуто выделяется на белом мраморе небольшой бронзовый крест, по его в настоящее время лет на памятнике, а остался только заметные следы.

<sup>2)</sup> Между прочим, эта ярмарка—очень давнее явление, и первое упоминание о ней находим в „Псковских Губернских Ведомостях“ за 1871 год. Здесь один автор в своей статье по поводу того, что русское общество занято было в тогдана время вопросом о сооружении памятника Пушкину в Москве, делает такое любопытное замечание: „Не мешало бы любителям русского слова вообще и нам, иско-ным, в особенности вспомнить, что самая могила поэта находится в печальном состоянии и посещается разве только богомольцами по 2 воскресенье после Троицы“ Сж. И. Василев. Цит. кн. стр. 8.

ряду, где слушал присказки и песни. Возился с нищими и певал с ними вместе про Лазаря. Это предание настолько достоверно и популярно в монастыре, что даже послужило сюжетом для фотографического снимка—открытки, которую можно было раньше найти в книжной монастырской лавке. На этой открытке указано точно место у ворот обители, где Пушкин певал с нищими (Лазаря)<sup>1)</sup>.

Многие несведущие задают вопрос, почему именно Святогорскому монастырю, приютившемуся в глуши от больших городов и ничем особенно незамечательному, суждено было сделаться местом упокоения великого поэта, и почему погребение было именно здесь, а не в другом месте, более известном, и естественнее всего в Петрограде, где поэт жил последние годы и где произошла роковая дуэль Пушкина с Дантесом? Вопрос разрешается очень просто, если принять в соображение, что с Михайловское было привычным приходом к Святогорскому монастырю, где было фамильное кладбище рода Пушкиных. Близость с Михайловского от монастыря давала возможность семье Пушкина, в частности, и самому поэту часто бывать в монастыре, и, как мы видели, имя поэта было связано с монастырем самыми тесными узами. Естественной и понятной, поэтому, была последняя воля умирающего на чужбине поэта быть погребенным „поближе к милому пределу“, в любимом и родном ему Святогорском монастыре. Прекрасное подтверждение и выяснение высказанной мысли находим у проф. А. Якимирского: „Совмещавший в себе юношескую бесечность и старчески расчетливую дальновидность, поэт давно (1829 г.) определил место, где надлежало вить его „бесчувственному телу“. Близкая к Михайловскому, видному с вершины монастырского холма, Святогорская обитель была традиционным местом упокоения насельников окрестных дворянских гнезд. В начале апреля 1886 года хоронили мать поэта. На погреб-

1) Такие просто и незатейливо вел себя Пушкин, когда приезжал по делам во Псков: бывал на базарной площади в простом мужицком костюме, вмешивался в толпу, вел беседы с престарелыми и даже играл на улице с городскими мальчишками. Это предание, однако, оспаривает упомянутый археолог Васильев. В его книжке „Следы пребывания Пушкина в Псковской губернии“ находим следующие строчки: „Устных преданий о Пушкине сохранилось очень мало, и из сохранившихся некоторые перефразированы. Так, в биографии его, приложенной к его сочинениям (Соч. А. С. Пушкина, изд. 3, СПб. 1899, стр. XXXIV) говорится, что когда Пушкин был вызван во Псков для представления местному начальству, то он являлся на базар и в частные дома в мужицком костюме. Едва ли это могло быть во Пскове“. Имеем, однако, опровергающее мнение Васильева давнее, и, прежде всего, мы находим их у Анненкова. По поводу „Бориса Годунова“ он говорит: „Не подлежит никакому сомнению, что работа над „Борисом Годуновым“, в которой такую видную роль играет проникнуть в окружающую его действительную жизнь. По словам того же Анненкова, время пребывания во Пскове он посвящал тому, что занимало теперь преимущественно его мысли: изучению народной жизни. Он изыскивал средства для изучения живой народной речи в самом ее источнике: ходил по базарам, терся, что называется, между людьми, и весьма почтенные люди города видели его переодетым в костюм мужицкий, в котором далеко раз выдвинулся один из почетных домов во Пскове“ (см. Анненков. Материалы. 2 изд. стр. 114). Насколько поэт изучил народную речь, видно, между прочим, из того факта, что известный собиратель народных песен П. В. Киреевский в предисловии к своему собранию народных песен говорит: „А. С. Пушкин, еще в самом начале моего предпринятия, доставил мне замечательную тетрадь песен, собранных им в Псковской губернии“.

Неопровержимое же доказательство сохранившегося предания о том, насколько просто и даже необычно было поведение поэта в моменты его пребывания во Пскове, находим, между прочим, в опубликованных воспоминаниях одного автора в журнале „Северные Записки“, где он сообщает об одной встрече с Пушкиным во Пскове, в бытность свою чиновником особых поручений при Псковском губернаторе Пещурове, который автору приходился дядей. „В одну из утренних прогулок по

бение приезжал Пушкин и, говорят, указал место своей могилы. Вот почему в первые тревожные моменты после кончины, когда предстояли хлопоты о перевезении праха, вдова и близкие лица почти не колебались монастыря и определенное место были связаны с волей почившего“<sup>1)</sup>.

Этим обстоятельством, между прочим, воспользовалось правительство из опасения, что смерть Пушкина может послужить поводом для беспорядков, и поторопилось потихоньку отправить тело Пушкина в Псковскую губернию, туда, где несколько лет назад он жил в семье, и здесь, в Святогорском монастыре, он похоронен, согласно желания его и родных<sup>2)</sup>. Существует картина, называемая „Похороны Пушкина“. Вскрещ, погоняемая стоящим испуганным ямщиком, несет тройка. Лошади вытянулись, они напрягаются, очевидно, все силы и мчат розвальни, в которых помещен гроб, охраняемый жандармом. За санями—крытый возок. Сумрачно, облака, и над гробом, в качестве провожающих, птицы, почуввшие мертвое тело.

От Святогорского монастыря вправо идет дорога, открывающая путь в с. Михайловское, или Зуево, отстоящее от обители в 3—4 верстах. Окружающая местность здесь очень живописна, дорога прелесть между полями и лесными рощами. С Михайловское дорога для каждаго русского человека не только потому, что там жил великий гений и что Михайловское связано с именем поэта самым тесным образом, но еще более тем, что в отношении к поэтическому творчеству Пушкина время, проведенное им в Михайловском, особенно с 1824 по 1826 г., когда он здесь жил в качестве пленника, было весьма плодотворно. Тут в тиши уединения, в глубоком сосредоточении созревали творческие замыслы поэта и облеклись в ряд поэтических созданий, в которых впервые обнаружилась настоящая сила его гениального дарования<sup>3)</sup>. На первом месте среди произведений

гробу, рассказывает автор, и нагреб на мужицкие ребра, играющих с бабкой. От нечего делать, и засмотрелся, как ловко завивалась тяжелая свечечка, подымалась клубом. Перебрел, затем, глаза на игрок, и немного одиши, увидя человека, если еще не старого, то и не первой юности. Незнакомец одет был в белый армяк на распахну; летний картуз небрежно покрывал ему голову; кудрявая борода висела на щеках и подбородке. Было в нем нечто цыганское, своевольное, и он подумал сначала, уж не цыган ли это, но русые волосы неизвестного указывали на принадлежность его к славянскому племени. да и странно было бы цыгану держаться так смело и свободно в присутствии губернаторского чиновника. Не обращая на меня внимания, незнакомец метко и уверенно выбивал игру за игрой, чуть припадал на колени и щура глаза; потом встряхнул, потер свои маленькие загорелые руки, дал мальчишкам пятачок и, бегом меня окинув взглядом, повел прочь. И ужас заметил, что верхняя губа у него была выбрита, по не позднее недели тому назад, и заключил отсюда, что это, должно быть, мешный уездный помещик. Возвратясь домой, рассказал дяде, Псковскому губернатору Пещурову, о встрече.—„Да это Пушкин!“,—перобил меня дядя. В то время я знал уже о Пушкине и восхищался его „Кавказским пленником“ и „Тудылой“. Как жалел я, что не заговорил с ним, не расспросил его о стихах, о том, не пишет ли он чего-нибудь нового! В заключение дядя сказал: „Да Пушкиным надобно зорко следить: он человек весьма и весьма ошарпанный“. (См. Борис Садовской „Три встречи с Пушкиным“. Рассказ старика „Северные Записки“, 1915, III книжка).

1) Проф. А. Якимирский. „Святые Горы—место вечного упокоения Пушкина“. Библиотека великих писателей, под редакцией проф. Венгерова. Пушкин. Изд. Брокгауз-Ефрон. Т VI, 1916 г.

2) Документы, относящиеся к провозу чрез Псковскую губернию и передачу земле тела Пушкина, впервые опубликованы были в печати Васильевым в упомянутой книжке: „Следы пребывания А. С. Пушкина в Псковской губернии“.

3) Проф. В. Петухов. „Пушкин в селе Михайловском“ (1824—1826) Библиотека великих писателей под ред. проф. Венгерова. Пушкин, т. II, изд. Брокгауз—Ефрон, 1908 г.

Михайловского периода стоит Борис Годунов"; другим поэтическим трудом, занимавшим поэта в Михайловском, был „Евгений Онегин“, затем: „Цыгане“, „Граф Нулин“, „Русалка“, „Египетские Ночи“, „Арап Петра Великого“; здесь он создал свои прекрасные „Подражания Корану“ и много лирических стихотворений. Известно, что в Михайловском были написаны четыре, нужно сказать, самые важные и центральные главы романа „Евгений Онегин“, а именно: 3, 4, 5 и 6 главы. Между прочим, в IV главе „Онегина“ Пушкин так рисует свою скромную однообразную жизнь в Михайловском:

В седьмом часу вставал он летом  
И отправлялся налегке  
К бегущей под горой реке;  
Певцу Гюльнары подражая,  
Сей Геллеспонт переплывал,  
Потом свой кофе выпивал,  
Плюхой журнал перебирая,  
И одевался..

Прогулки, чтение, сон глубокий,  
Лесная тень, журчанье струй,  
Порой белянки черноокой  
Младой и свежий поцелуй,  
Узде послушный конь ретивый,  
Обед довольно прихотливый  
Бутылка сладкого вина,  
Уединенье, тишина..

В Михайловском произошло „возрождение“, которого поэт жаждал давно, о котором мечтал в водовороте Петроградской жизни и под знойным небом юга. Наш поэт испытал чередом в душевной жизни: отшумели и замолкли грезы юности, периоды бури и натиска, — наступает пора самосознания, спокойного и вдумчивого взгляда на цель жизни и литературной деятельности. Немало потратил Пушкин душевных сил на случайные впечатления, встречи, далекие от интересов литературы; между тем, талант его зрел, кипучие молодые силы бродили и искали новой обстановки, которая дала бы возможность поэту сосредоточиться в себе и выступить в той великой роли, на которую он имеет право по размерам своего гениального дарования. Таким, именно, местом и явилось для Пушкина с. Михайловское. В Михайловском, благодаря уединению и отсутствию рассеяния, Пушкин также имел возможность пополнить „недостатки проклятого своего образования“, как он выражался, так как в школах тогда „все учились понемногу, чему нибудь и как нибудь“. Словом, Пушкин из Михайловского выходит на литературную дорогу уже вполне серьезным и зрелым художником, не только во всеоружии природного художественного дарования, но и глубокого, сознательного понимания своих дальнейших творческих задач и планов. Установить точно дату, когда родители Пушкина переехали в Михайловское—это дедовское имение, доставшееся матери поэта—затруднительно; первое же посещение Пушкиным Михайловского, имеется основание предполагать, было в 1817 году, по окончании поэтом учебного заведения—лицея, и здесь он все лето проводит в удовольствиях деревенской жизни на лоне любимой природы; по крайней мере, на это указывают хронологические данные, собранные

Н. Лернером. У него под датой 3 июля 1817 года помечено: „Прощение Пушкина об отпуске по 15 сентября в Псковскую губернию для приведения в порядок домашних дел“.

В сохранившемся отрывке из записок Пушкина он вспоминает, между прочим, о своем первом пребывании в Михайловском летом 1817 года. „Вышел из Лигея, я тотчас уехал в Псковскую деревню моей матери. Помню, как обрадовался сельской жизни, русской бане, клубнике и проч. Но все это длилось мне недолго. Я доныне люблю шум и толпу“. В своей элегии „Вновь я посетил“, написанной в 1835 г., поэт такими словами приветствует родные Михайловские роши:

В разны годы  
Под вашу сень, Михайловские роши,  
Являлся я. Когда вы в первый раз  
Увидели меня, тогда я был  
Веселым юношей. Беспечно, жадно,  
Я приступал лишь только к жизни; годы  
Промчались—и вы во мне признали  
Усталого пришельца..

Здесь поэт определенно указывает, что в первый раз увидел его родные роши, „когда он, по окончании лицея, беспечно и жадно приступал лишь только к жизни“. В Михайловское, затем, Пушкин приезжал почти каждое лето до ссылки его на юг, т. е. до 1820 года; далее, с 9 августа 1824 года по 28 августа 1826 Пушкин проживал безвыездно в Михайловском, будучи сослан сюда под надзор своего отца. Первые впечатления после приезда в деревню были весьма тягостны. Отец Пушкина был так недоволен поведением опального сына, что запретил брату и сестре иметь с ним какие либо сношения. Это вызвало ссору между Пушкиным и отцом. В отчаянии от его упреков, Пушкин хотел даже просить, чтобы его отправили из родительского дома в какую либо крепость, или монастырь, но, благодаря усилиям друзей, особенно Жуковского, оказавшего, нужно сказать, особое покровительство и любовь к Пушкину, дело уладилось и кончилось тем, что отец с семьей в ноябре 1824 года уехал в Петроград и оттуда, под благовидным предлогом, прислал отказ от добровольно принятых было на себя обязанностей надзора за сыном.

Пушкин, таким образом, остался в Михайловском в одиночестве со своей только любимицей, няней Ариной Родионовной. Проведенные в отшельничестве „два года незаметных“ были очень важны и продуктивны, как сказано выше, для художественного творчества и развития гения поэта. Затем, Пушкин навещает Михайловское и живет здесь по целым месяцам уже в качестве свободного гражданина в 1827, 1828, 1835 и, наконец, в последний раз в 1836 году, когда приезжал хоронить мать.

Несмотря на то, что поэт подолгу проживал в Михайловском и так часто навещал „родные роши и поля“, даже от того времени, когда Пушкинский уголок находился в цветущем состоянии<sup>1)</sup>, к

<sup>1)</sup> Писущему эти строки посчастливилось вместе с учащимися, а затем с частью Псковск. учительства посетить Пушкинский уголок и детально ознакомиться на месте со всем, что связано с именем поэта, в 1914 г., когда „уголок“ был в цветущем виде, а затем в 1920 и 1921 году после разрушения.

великому огорчению, почти ничего не осталось в Михайловском, что являлось бы живым свидетелем пребывания здесь великого поэта, за исключением разве домика, где жил поэт в годы ссылки с „подругой дней его суровых“, со старушкой, дряхлой, своей няней. Все другие постройки и даже главный дом, в котором жил поэт со своими родителями, случившимся пожаром были уничтожены, и уже при сыне поэта, Григории Александровиче Пушкине, выстроены они заново по образцу старых сторевших построек. При въезде в Михайловское, с левой стороны по обоим сторонам ворот, ведущих в парк, расположены два небольших домика: это была колония для престарелых писателей или писательниц, а также учителей и учительниц. Известно, что с Михайловское с 800 десятинами земли, из которых было 600 десятин леса, приобретено было казной от наследников А. С. Пушкина за 140.000 р. и передано было в ведение дворянства Псковской губернии. Здесь велось лесное и полевое хозяйство, и на доходы от него содержалась упомянутая Пушкинская колония для престарелых писателей<sup>1)</sup>.

В центре двора находился цветник, вроде скверика, обсаженный кустами жасмина, сирени и диким виноградом, свешивающимися гирляндами между декоративными деревьями и обнесенный круглым забориком. Затем, с левой стороны, у входа в большой дом, стоящий посредине двора, притаилась теперь уже, действительно, „ветхая лачужка“ с двумя комнатками, где обитала дорогая для поэта личность, старушка няня Арина Родионовна, сыгравшая громадную роль в жизни воспитанного ею поэта, особенно, когда он жил вместе с нею в с. Михайловском известные два года в уединении. Она являлась для него тогда единственной подругой, второй матерью, и с этой „наперсницей волшебной старинны“, „другом вымыслов игривых и печальных“ поэт коротал, слушая ее сказки, длинные зимние вечера; об одном из которых поэт говорит в посвященном няне стихотворении „Зимний вечер“:

А то плоды своих мечтаний  
И гармонических затей  
Читал он старой няне,  
Подруге юности своей.

Эта же подруга юности поэта послужила прототипом няни Татьяны Лариной<sup>2)</sup>. Действительно, в тяжелой жизни поэта, перенесшего много огорчений, обид и испытаний, всегда, с самого раннего детства и до кончины неизменно было одно светлое пятнышко,

1) „Еще в июле 1898 г. у Псковского дворянства возникла мысль о приобретении принадлежащего сыну поэта Григорию Александровичу Пушкину с Михайловское, с целью устроить в нем какое-либо общепольное учреждение имени поэта Пушкина, и в чрезвычайном собрании 29 мая 1902 года признано наиболее соответствующим памяти поэта учредить колонию для сирот и вдов писателей, а также и для писателей, впадших в неизлечимую болезнь, лицающую их возможности заниматься литературным трудом, кроме того, было признано целесообразным и осуществимым, чтобы в колонии были помещены и скромные труженики на ниве народного просвещения, главным образом, учителя и учительницы низших народных школ, потерявшие здоровье, или достигшие преклонных лет. В 1908 году был утвержден устав колонии имени поэта А. С. Пушкина в с. Михайловском“. См. В. Философов. Крайняя справка о Михайловском и о колонии имени А. С. Пушкина. Псков. 1909 г.

2) „Во многих стихах поэт обессмертил свою Арину Родионовну, — говорит критик Айхенвальд, — и во многих поэтических созданиях чувствуется его нежная любовь к „подруге дней его суровых“, дряхлой старушке-няне, чья память дорога всей России, потому что она колела его жизнь и рассказала курчающему мальчику русские сказки, но нигде не воздвиг ей такого памятника, как в этой навеки запечатлен-

одна радость — это его милая старушка-няня, Арина Родионовна. Она вынянчила сестру Пушкина, его самого и его брата. Няня знала очень много русских сказок, пословиц, былин и песен и умела их мастерски рассказывать. Пушкин любил слушать поэтические рассказы своей няни. „Что за прелесть эти сказки? — писал он брату в окт. 1824 г., — каждая есть поэма; ими он „вознаграждает недостаток своего воспитания“ (там-же). Эти сказки глубоко западали в его душу, будили в ней русские народные струны и создали из Пушкина впоследствии истинного выразителя наших народных чувств и мыслей. Интерес к народной поэзии и чутье народности. — пишет Овсянко-Куликовский, — образуют важный момент в развитии творчества Пушкина. Поэт внимательно прислушивался к народной речи, стараясь овладеть ее изобразительными средствами, усвоить себе ее склад и колорит. Привлекали его внимание и самые мотивы народной поэзии, ее дух, ее непосредственность. В этом деле приобретения великого поэта к духу народной поэзии видная роль принадлежала его нянюшке, Арине Родионовне, которой имя он обессмертил<sup>1)</sup>. Кроме няни, одиночество поэта во время ссылки скрашивали приезжавшие навестить его товарищи по лицею: Пушкин, поэт Дельвиг, Горчаков, а также большой приятель Пушкина из соседнего Тригорского, студент Вульф, часто навещавший Пушкина с поэтом Языковым.

Главный большой дом, выстроенный сыном поэта Григорием Александровичем Пушкиным на месте сторевшего дома, в котором жили родители поэта, прекрасно описан во II главе романа „Евгений Онегин“. Он, конечно, не имел ничего общего с тем домом — с его сенями, с девичьей, в котором жил опальный поэт, — он хранил только его место. В этом доме ни обстановки, ни библиотеки, лично принадлежавшей Пушкину не осталось, а была мебель в стиле ампира, но с новой, неподлинной, обивкой, следовательно, более позднего приобретения, а также некоторые предметы и вещи от времен Пушкина. Из гостиной дверь вела на балкон, возле которого была терраса, откуда открывался восхитительный вид на озеро, которое „меж нив златых и нажитей зеленых, свинея, стелется широко“. „Палево-воспетая Языковым „Сорочь голубая — подруга зеркальных озер“. За озерами убегают в синие дали ярко зеленые поля, передельски, прерываемые темным пятном деревьев и хвойных лесов. Место, где так красиво и плавно льются воды р. Сорочи, и где она соединяется с озером, было самым любимым местом поэта. Вообще говоря о красотах с Михайловского, нельзя не сказать, что здесь, куда бы глаз ни кинул свой взор, везде его ласкают живописные поэтические пейзажи, чуд-

шеяся для нас картины, потому что ведь это, несомненно, „его“ няня сидит с платком на голове седой, в длинной телогрейке, и в тишине, при вдохновительной душе слушает маю поитную ей исповедь влюбленной Тани. Она забывала уже, старушка что такое любовь и влюбленность, и даже в юности не знала она про это, как следует, иначе ее согнала бы со света покойница свекровь. Она венчалась без любви, когда ей было 13 лет; и эту психологию, эти старые нравы, этот мелькнувший облик нянинной биографии Пушкин также понимает и принимает, как и совершенно другую психологию, — эту девушку с бледной красотой, с распушенными волосами, ее, для которой в мире только и есть, что любовь, и которая с ужасом спрашивает не любившую Фидипеевну: „да как же ты венчалась, ппп!“ И няня хочет окропить Татьяну водой и крестит ее дряхлой рукой, и этим думает исцелить ее от нездоровья; старушка спугалась, мало помнит и понимает любовь и, вынянчившая Таню, она никак не может сообразить, что Таня — уже не дитя“. (Ю. Айхенвальд. Пушкин. Москва. 1917, стр. 123—124).

1) См. История русской литературы XIX в. Изд. „Товарищество Мир“ т. II стр. 365.



ные перспективы, красивые ландшафты. Подтверждение этому можно найти в творениях поэта. Так, в знаменитом стих. „Деревня“ прямо сфрисована с натуры и представляет собою точное изображение окрестностей с. Михайловского с его усадьбою на краю обрыва, с которого открывается вид на два озера, на дальние дуга и поля:

Люблю сей темный сад,  
Сей дуг, уставленный душистыми скирдами,  
С его прохладой и цветами,  
Где светлые ручьи в кустарниках шумят,  
Везде предо мной подвижные картины:  
Я вижу двух озер лазурные равнины,  
Где парус рыбака белеет иногда,  
За ними ряд холмов и нивы полосаты,  
Вдали — рассыпанные хаты,  
На влажных берегах бродящие стада,  
Овины дымные и мельницы крылаты...

В стихотворении „Домовому“ также нарисованы пейзажи с. Михайловского:

Люби мой милый сад, и берег сонных вод,  
И сей укромный огород  
С калиткой ветхою, с обрубленным забором.  
Люби зеленый скат холмов,  
Дуга, измятые моей бродящей ленью,  
Прохладу лип и кленов шумный кров:  
Они знакомы вдохновенью.

К глубокому огорчению и негодованию, в бурное время революции 19 февраля 1918 года с. Михайловское было сожжено с домом, в котором был небольшой музей, и со всеми надворными постройками, а уцелевшие драгоценности расхищены. Погибли в доме: картина „Пушкин и Мицкевич у памятника Петру Великому“, бюст Пушкина, библиотека для колонистов. Из исторически ценных Пушкинских вещей сгорел бильярд, на котором А. С. Пушкин играл одним шаром, и из каретного сарая пропала старинная, Екатерининских времен, карета, катавшая Пушкина при жизни и привезшая прах его для погребения в Святогорском монастыре.

Единственно, что сохранилось в полуразрушенном виде, — это „домик няни“ поэта, — Арины Родионовны, в последнее время реставрированный умело, опытно, без вольностей, без отступлений. Работы произведены отчасти Опочецким Отделом Народного Образования, а отчасти Башкирской бригадой, квартировавшей в Святогорском монастыре.

Кроме „домика няни“, сохранились в полуразрушенном виде два дома, предназначенных для колонии престарелых писателей, а теперь населенных семьями сельско-хозяйственного коллектива. Сохранилась, конечно, природа Михайловского, цельная, современная поэту, влиявшая на его гений и вдохновлявшая его. Сохранились и „Михайловские рощи“, под сень которых поэт приезжал отдыхать.

„Со времени пожара прошло четыре года, и пора бы всем познать всю культурно-историческую ценность Пушкинского уголка; — справедливо говорит В. Волков. Но редуют рощи, редет парк, и даже аллея крепких корабельных елей, насаженная, по преданию, руками самого поэта, стала менее тенистой, а в сердце Михайловского вселяется артель за артелью, семья за семьею. „Михайловские рощи“ отводятся под выпуск, растаскиваются окрестным населением и развозятся по предписаниям властей. А делу помочь можно, надо только: 1) центру объявить Михайловское заповедным именем и поручить заботу о нем и о всем „уголке“ Отделам Народного Образования и 2) местной власти понять и оценить значение „уголка“, отказаться от вселения туда целых куч семейств, запретить рубку леса и нарядить охрану“<sup>1)</sup>.

Из с. Михайловского чрез старый роскошный сосновый парк, свернув вправо, можно попасть в с. Тригорское, отстоящее в 1½—2 верстах от Михайловского. При выезде из парка, на границе владений дедовских, на месте том, где в гору подымается дорога, должны приветливо встретить своим шорохом „три сосны“, воспетые Пушкиным в его элегии „Вновь я посетил“, но, к сожалению, давно от них не осталось и следа, и даже невозможно указать место, где они росли.

По пути в с. Тригорское расположен погост Воронич, в древности — пригород, ныне — бедная деревушка при р. Сороти. Пригород основан еще в XIV веке; и в летописях имеются указания, что Воронич был укрепленным городом в начале 1400 года и выдерживал нашествие исприятелей — литовцев, немцев и поляков. В 1582 году город был взят польским королем Стефаном Баторием, но возвращен в том же году по договору. В 1719 году Воронич является приписным пригородом к Опочке. В селении, между прочим, существует и теперь земляной вал, который некогда служил пригороду укреплением. В самом погосте, около церкви св. Георгия — могилы близких друзей Пушкина — П. А. Осиповой и А. Н. Вульфа; здесь же могила И. С. Осипова, второго мужа Праекovsky Александры. Чрез Воронич, между прочим, в Святые Горы следовало тело умершего поэта Пушкина, и здесь в церкви была совершена над прахом поэта панихида тогдашним священником, которого Пушкин любил, по фамилии Раевским, а больше известным по уличному прозвищу „Шкодой“<sup>2)</sup>. Этот же самый священник встретил тело умершего поэта в расстоянии 17 верст от своего прихода, в пог. Вреве, на руках нес гроб и, по отслужении панихиды, в своей церкви, передал сопровождать.

<sup>1)</sup> См. В. Волков. О Пушкинском уголке. „Северные Зори“ 1920 г. декабрь. № 1, стр. 29—30. Имеются последние сведения, что Опочецким Исполкомом забронировано 500 пудов хлеба для производства работ и приведения в порядок с. Михайловского.

<sup>2)</sup> Любопытно, что прозвище это привалось настолько, что настоящая фамилия была почти забыта; поэтому, когда Пушкин написал дарственную на семь десятин попу „Шкоде“, о. Илларион пошел благодарить и объясняет, что он — не Шкода, а Раевский; Пушкин же в ответ на это сказал: „А я почему знал: все Шкода, да Шкода. Я это человек спрашивал“. Это ее слов сравнительно недавно умершей старушки, дочери о. Иллариона, Акулины Ларионовны, по мужу Скоропостижной. По ее словам, она знала Пушкина, когда ей было 12 лет. Он часто приезжал к о. Иллариону и тот к нему Поэт любил пона Шкоду. Приседет и стучит: „Дома поп?“ И коли нет, да долго не выдешь, сердится: „Что он ко мне уже три дня не едет?“ По ее словам, Пушкин часто приглашал ее собирать грибы с ним. Как и соседние крестьяне, Акулина Ларионовна отзывалась о поэте, как о добром человеке.

дорогие останки явившемуся сюда из Святогорского монастыря священнику—монаху. Пог. Воронич замечательен еще тем, что Пушкин писал здесь своего „Бориса Годунова“, о чем свидетельствует, между прочим, и заглавие этой драмы, данное первоначально поэтом: „Комедия о настоящей беде Московскому государству, о царе Борисе Годунове и Гришке Отрепьеве. Писал раб Божий Александр, сын Сергеев, Пушкин в лето 7338 на городище Ворониче“.

Прежде чем приступить к описанию красот и достопримечательностей Тригорского, уместно, кажется, сказать несколько слов о значении или роли этого симпатичного и интересного уголка в судьбе поэта. Оказывается, что Тригорское связано с именем поэта не менее, чем родное ему Михайловское, и первое не только в личной жизни поэта, но также и для творчества сыграло громадную роль, и не тем, что Тригорское представляет собою, действительно, поэтический уголок, услаждавший поэта, так живо чувствовавшего и любившего красоту сельской природы, а главное—милым и дорогим для поэта был этот уголок и манил всегда к себе потому, что в Тригорском жила симпатичная семья Прасковьи Александровны Вульф, а по второму мужу—Осиповой, имевшей от второго брака дочерей Марию и Екатерину Осиповых, а от первого брака—Анну и Евпраксию Николаевных Вульф, послуживших, между прочим, прототипами Татьяны и Ольги Лариных в „Евгении Онегине“, а также сына Алексея Вульфа, приятеля Пушкина, студента Дерптского университета. Кроме этих прекрасных обитательниц Тригорского, здесь временно проживала еще красивая племянница, Анна Петровна Керн, к которой Пушкин был равнодушен. Но из всех обитательниц Тригорского едва ли не самой большой любимицей поэта была дочь Осиповой—Евпраксия Николаевна, вышедшая замуж за Вревского, которой Пушкин, в знак особого расположения и дружбы, преподнес экземпляр „Евгения Онегина“ с надписью: „Твоя от твоих“. Что, действительно, в романе выведены Тригорские обитатели, на это имеются указания, прежде всего, в одном из писем Пушкина, где он пишет: „Единственное развлечение мое (во время двухлетней жизни поэта в Михайловском) составляет добрая соседка, которую я часто вижу, слушая ее патриархальные разговоры в то время, когда ее дочери разыгрывают мне Россини. Лучшего положения для окончания моего романа вряд ли можно и желать“<sup>1)</sup>. Таким образом, справедливо говорит один историк литературы,—поэт сам намекает, что семейство Осиповых—Вульф помогло ему изобразить в „Онегине“ семью Лариных, хотя надо заметить, что лица были намечены Пушкиным еще на юге, до знакомства с Тригорскими соседками<sup>2)</sup>. Младшая Вульф—Анна Николаевна была живая, веселая, бойкая и симпатичная, но несколько легкомысленная натура; она, действительно, напоминает собою Ольгу Ларину. Старшая—Евпраксия Николаевна отличалась серьезным характером; она была искренно привязана к поэту.

<sup>1)</sup> А. Назеланов, „Пушкин“. См. Ист. рус. словесн. Москва, 1904, ч. II, стр. 114. Некоторые историки литературы, имея ввиду обстоятельства жизни поэта на юге, строят догадку о том, что едва ли не в семье Ревских нужно искать прототипа Татьяны. Известно, что Пушкин прожил в Гурауфе три недели в семье Ревского „в самых счастливых условиях“, как писал поэт брату. В одну из дочерей Ревского он был влюблен, и эта настоящая и глубокая привязанность привносила сладкое очарование к наследственному, доставленному роскошной южной природой.

Кроме непосредственных указаний самого поэта относительно обитателей Тригорского, имеются также об этом авторитетные подтверждения у Анненкова, а также это мнение находит себе почти неопровержимое подтверждение в сравнительно недавно опубликованном дневнике А. И. Вульф, где он говорит по поводу чтения „Евгения Онегина“: „Он (роман) не только почти весь написан на моих глазах, но я даже был действующим лицом в описаниях деревенской жизни Онегина, ибо она взята вся из пребывания Пушкина у нас, в губернии Псковской. Так я, дерптский студент, явился в виде геттигенского, под названием Менского; любовные мои сестрицы суть образцы его деревенских барышень, и чуть не Татьяна ли одна из них. Многие из мыслей, прежде чем я прочел их в Онегине, были часто в беседах глаз на глаз с Пушкиным в Михайловской пересуждаемы между нами, а после встречал их, как старых знакомых“<sup>3)</sup>.

Такая дружеская связь Пушкина с Тригорским и его обитателями начинается с момента первого посещения поэтом родного Михайловского, т. е. в 1817 году, по окончании лицея. Уезжая в августе этого же года из родных мест, поэт трогательно прощается с Тригорским:

Прости, Тригорское, где радость  
Меня встречала столько раз!  
На толь узнал я вашу сладость,  
Чтоб навсегда покинуть вас?  
От вас беру воспоминанья,  
А сердце оставляю вам.

Быть может (сладкое мечтаешь!)  
Я к вашим возвращусь полям,  
Приду под липовые своды.  
На скат Тригорского холма,  
Поклонник дружеской свободы  
Веселых граций и ума<sup>4)</sup>.

В каждый из своих последующих приездов в Михайловское (годы посещения поэтом Михайловского указаны выше) Пушкин частенько бывал в Тригорском, жила по целым неделям или просиживал в фамильной библиотеке целые дни. Особенно дорогим и милым был уголок Тригорского для поэта в годы его изгнания (1824—1826), когда он, всеми оставленный, даже родной семьей, остался в Михайловском в одиночестве со своей только-няней, и тогда особенно сроднился с Тригорским и его обитателями. „Сколько веселых вечеров проводил здесь поэт в тесном семейном кружке; сколько было здесь и написано, и задумано им бессмертных произведений! Какое теплое участие во всей его жизни, особенно в два года ссылки в Михайловском, принимали в нем добрые обитательницы Тригорского!“

<sup>1)</sup> См. Проф. Петухов, „Поэтическая деятельность Пушкина в Михайловском“.

<sup>2)</sup> Кстати, дата этого стихотворения обозначена Лернером в августе, без обозначения числа, между тем, в списке, в котором это стихотворение находится, помечено 10 сентября. Первая дата более верна, так как Пушкин уехал из Михайловского именно в начале августа, так что в августе он не мог написать стихотворения, в том, что 1 сентября Пушкин уведомлял уже своего брата о своем уходе из Михайловского. Скорее всего, Пушкин уведомлял уже своего брата о своем уходе из Михайловского, а в Петербурге присовокупил, что он ехал в Псковском своем уведомлении.

И достаточно познакомиться с письмами Пушкина к П. А. Осиповой<sup>1)</sup>, к которой, а также к ее семье сохранил он самые теплые отношения до самой смерти, чтобы убедиться, до какой степени эти отношения поэта к ней, ее семье и Тригорскому были близки и дороги.

Интересно отметить, что в архиве канцелярии псковского губернатора хранилось дело, раскрывающее некоторые подробности семейной распри, возникшей в 50-х годах среди обитателей поэтического Тригорского, воспетого Пушкиным, среди тех самых лиц, которые некогда составляли постоянное общество опального Пушкина и улаживали дни его печального изгнания. Дело это озаглавлено: „По отношению управляющего III отделения канцелярии, по просьбе наследников опочечной помещицы, статской советницы Прасковьи Осиповой об уничтожении заключенных ею с помещиком № (в деле указана фамилия) на покупку имения актов и безденежных обязательств и об учреждении опеки как над матерью, так и над имением<sup>2)</sup>. Эта распря между обитателями Тригорского чуть не закончилась продажей имения, но, по счастливой случайности, продажа Тригорского не состоялась, несмотря на продажную запись, и Тригорское осталось за Осиповой, по смерти коей перешло к сыну ее, А. Н. Вульфу, после него — к Марии Ивановне Осиповой, а затем к последней владелице, старшей дочери Евпраксии Николаевны, Софии Борисовне Вревской.

С. Тригорское — это бывшая огромная, запущенная усадьба, с длинным растянувшимся деревянным домом, имевшим два балкона: с одного открывался великолепный вид на р. Сороть, а другой выходил во двор. Одну половину дома с балконом, обращенным на р. Сороть, занимала последняя владелица имения, упомянутая София Борисовна Вревская. Если мать владелицы, Евпраксия Николаевна Вревская, явилась прототипом Татьяны Лариной, то бывшая последняя владелица Тригорского являлась, таким образом, дочерью знаменитой „Татьяны Лариной“. В другой половине дома проживал в сравнительно недавнее время со своею семьей управляющий имением Пальмов, в течение многих лет арендовавший Тригорское за 3000 руб. Дом, в котором жили обитатели Тригорского, старый, сохранившийся от времен Пушкина, представлял печальный вид: на балконе, где некогда „Татьяна предупреждала зари восход, когда на бледном небосклоне звезд исчезает хоровод“, доски, напр., сгнили и местами проваливались, ступени шатались и вообще дом поражал своею ветхостью.

Сзади дома расположен огромный парк. В целом вид парка носил характер несколько запущенной усадьбы, но раньше, видимо, содержась в полном порядке и был роскошен. Самая лучшая часть парка находится у спуска голубой реки Сороти; отсюда открываются очаровательные виды. Здесь, между прочим, на естественной террасе под развесистой ивой над обрывом находится „диван Онегина“ и скамейки со столиком. Близко от этой террасы находились раз-

<sup>1)</sup> В вышедшем в свет последнем выпуске „Пушкин и его современники“ (изд. Академии Наук), также в VI томе сочинений Пушкина, изд. Бродягуза-Вфрова, под ред. проф. Венгерова содержится много писем Пушкина к разным лицам, в том числе и к П. А. Осиповой, а также много ответных писем разным лицам. Между прочим, в одном своем письме к Осиповой, датированном 29 июля 1831 года, Пушкин говорил о своем желании купить Савкино (близ, соседнее с Тригорским) и даже просил ее навести соответствующие справки.

<sup>2)</sup> Н. Ф. Скулдин-Казарин, „Обитатели Тригорского в 50-х годах“. См. Труды Псковского Археологического Общества за 1911 г.

валины старой бани, где жил Пушкин с товарищами, когда гостил по целым дням в Тригорском; по близости находилось место, где устраивался помост для танцев. В парке сохранился старый огромный дуб, воспетый Пушкиным в „Руслане и Людмиле“<sup>1)</sup>; сохранилась чудная лужайка, вся окруженная вековыми липами, по тени которых поэт определял время, и, таким образом, здесь были невидимые солнечные часы; лужайка эта служила местом для различных игр обитателей Тригорского. Прекрасны были в парке заглухшие и усеянные белыми лилиями пруды, со свешивавшимися над ними купами деревьев. Поэтические образы так и витают здесь невидимо. Живо представляется в воображении тихая и безмятежная, но полная интереса и идиллического счастья жизнь семейства Лариных; живо встает в сознании дорогой образ самого поэта, „подарившего свое сердце и лучшие порывы своей души милому Тригорскому, а взявшего от него себе только „слабые воспоминания“.

Невообразимо милым и интересным кажется Тригорское с его прелестным сказочным парком, с его деревьями, без слов много говорящими сердцу о прошлом... В нем становится понятной, близкой нам грусть Татьяны — „этой бедной пленницы“ по милому Тригорскому после переезда всей семьи в Москву:

Ей душно здесь (и Москве). Она мечтой  
Стремится к жизни полевой,  
В деревню, к бедным поселанам,  
В уединенный уголок,  
Где льется светлый ручеек,  
К своим цветам, к своим романам.  
И в сумрак липовых аллей,  
Туда, где он являлся ей.

К глубокому огорчению, судьба постигла Тригорское такая же, как и Михайловское: 18 февраля 1918 года, т. е. за день до пожара Михайловского, сожжено Тригорское, где, кроме знакомого поэту дома, погибло гораздо больше вещей, связанных с именем Пушкина. Сохранился здесь только парк, который хранит много прекрасных воспоминаний, связанных с жизнью поэта и его творениями.

Несмотря на разрушение „Пушкинского уголка“, которое совершено, конечно, по невежеству и темноте, — все же этот „уголок“ привлекает и теперь и будет манить всегда к себе... Поездка в Пушкинский уголок оставляет у каждого глубокое, неизгладимое впечатление, дает возможность пережить самые разнообразные, прекрасные психические настроения, морально освежающие. Она, несомненно, является счастливым моментом, который остается памятным для каждого на всю жизнь, как, очаровательный волшебный миг чудной сказки жизни.

<sup>1)</sup> По другой версии, дуб, воспетый Пушкиным, находится не в Тригорском, а в с. Михалево, Порховского уезда, Псковской губернии, в имении Бухаровой, и где этот дуб, действительно, расположен у лукоморья (изгиба реки), тогда как в Тригорском он находится в парке. Пушкин бывал в с. Михалево у своих знакомых и любил сидеть возле этого дуба.

Можно с уверенностью утверждать, что всякий, кто решится посетить милые и дорогие для каждого русского человека Пушкинские места, тот испытает лучшие переживания и настроения. Хочется верить, что к Пушкину и „Пушкинскому уголку“ никогда „не заростет народная тропа“, и что глубоко прав был поэт Ф. Тютчев, пророчески предсказавший о Пушкине:

Тебя, как первую любовь,  
России сердце не забудет!

